

Гарри на мгновение застыл на месте, увидев профессора Люпина. Когда профессор МакГонагалл упомянула, что ее гостя является их общей подругой, он не ожидал, что это будет его профессор Защиты на третьем курсе. Считал ли он профессора другом? Он не мог сказать. Он определенно был лучшим профессором Защиты, хотя Грюм делал все возможное, чтобы доказать, что он может быть лучше. У Гарри, конечно, было достаточно общения с Люпином, но достаточно ли этого, чтобы называть его другом только потому, что он так многому его научил и был другом его родителей? Гарри еще не был уверен.

"Профессор Люпин!" Гарри сказал, подходя к дивану и садясь рядом с Гермионой: «Как здорово снова тебя видеть».

— Как я уже сказал мисс Грейнджер, — сказал профессор Люпин, — я больше не ваш профессор, так что, думаю, вы можете звать меня Ремусом. Я тоже рад вас видеть, Гарри. Профессор МакГонагалл развлекала меня с замечательной историей, когда мы поднимались сюда. Я был очень удивлен, но очень рад услышать, что вы двое решили исследовать... ах... романтические отношения?

— Да, есть, — сказал Гарри, ухмыляясь и глядя на Гермиону. «Она согласилась быть моей девушкой на Святочном балу, а также моей девушкой».

— Да, профессор МакГонагалл сообщила мне, — сказал Ремус, — она мало что мне рассказала, потому что хотела, чтобы я услышал это от вас. неприятности с соседями по дому. Я уверен, она рассказала тебе, что твои родители, Гарри, уже седьмой год живут в одном и том же квартале.

— Да, — подтвердил Гарри, улыбаясь МакГонагалл.

— Да, но я уверен, что мы сможем обсудить это в ближайшее время, — сказал Ремус. — Очевидно, есть более важная тема, которую мы должны обсудить в первую очередь.

— Да, — сказала МакГонагалл, — когда мы шли сюда, Мэллори сказала мне, что вам двоим нужно поговорить со мной, и что это экстренная ситуация?

— Да, — сказал Гарри. «Полагаю, мне следует начать с самого начала. Сегодня за завтраком Луна Лавгуд и Падма Патил помогли мне понять, как получить ключ к разгадке Золотого яйца. Недавно я приняла ванну и взяла с собой Золотое яйцо. , и положил его под воду. Пронзительный звук оказался Голосом Русалки».

«Отличная работа, мистер Поттер, — сказала МакГонагалл с редкой улыбкой, — я очень рада, что вы смогли так быстро найти разгадку».

— Да, русалки действительно издают этот пронзительный, пронзительный крик, если их услышать над поверхностью воды, когда они внизу, — сказал Ремус, — если вы находитесь с ними под водой, пока они поют, их песня довольно красиво и опьяняюще, и может быть

переведено на язык слушателя. Теперь я жалею, что не преподавал в вашем году о Русалках примерно в то время, когда я преподавал Гриндилоу. Вы бы знали о Голосе Русалки, когда услышали то, что я ожидал, был пронзительный крик в твоей подсказке».

«Да, ну, «подсказкой» была песня, — сказал Гарри. — Это была песня, которая намекала на то, чего мне следует ожидать при выполнении задания».

Гарри продекламировал песню по памяти. Он знал, что не забудет эту песню, пока задание не будет выполнено.

«Я совершенно уверен, что в этой песне была одна строчка, которая должна была сбить нас с толку, — сказал Гарри. — Мы не должны были понять, что она на самом деле сказала, до дня задания».

— А что это была за линия, мистер Поттер? — спросила МакГонагалл.

«Мы забрали то, по чему вам будет очень не хватать, — дрожащим голосом сказал Гарри, — я думаю, мы должны верить, что они что-то заберут. Моя «Молния», мой плащ. Это не «что», Профессор. Это «кто». «Мы забрали того, по кому вам будет очень не хватать». Гермиона, профессор. Они собираются забрать Гермиону».

Глаза профессора МакГонагалл расширились, как и Ремус. Он закрыл глаза и, казалось, глубоко вдыхал и выдыхал через ноздри.

— Подумай о последней строчке, — сказал Гарри, — слишком поздно, она ушла, она не вернется. Профессор, подумай о том, что недавно произошло. Что может быть лучше, чем навсегда разлучить нас с Гермионой, чем...

МакГонагалл встала и прошла через комнату, затем через дверь в свои личные покои. Дверь за ней закрылась, и глаза Гарри, Гермионы и Ремуса расширились, когда они услышали, как повысился голос профессора МакГонагалл, когда она громко закричала на английском и шотландском гэльском языках. Целую минуту спустя она вышла и снова села на стул.

— Мои извинения за это, — сказала МакГонагалл, ее губы были тонкими. «Ремус, ты можешь быть в замешательстве в данный момент. Я подытожу для тебя. Мы полагаем, что есть люди, активно работающие над тем, чтобы разлучить Гарри и Гермиону в гнусных целях. Возможно, они считают, что эти двое не должны были быть вместе. Возможно, в их планах Гарри должен был быть с кем-то еще».

— Могу я спросить, кто стоит за этим? — спросил Ремус.

— Рональд и Джинни Уизли, — сказала Гермиона. «И, возможно, директор Дамблдор и Молли Уизли».

Одна бровь Ремуса приподнялась при упоминании имени Дамблдора.

«Рон и Джинни столкнулись с нами после того, как услышали, что Гарри пригласил меня на Святочный бал, — сказала Гермиона. он слабее в Турнире, и его убьют. Мы... я... считаю, что Джинни пытается сблизиться с Гарри, а я на виду у Рона, поэтому я не могу быть связан с Гарри. Мы не знаем фактического заговор. Мы не знаем, замешаны ли их мать или Дамблдор...»

«Я не верю, что Рональд и Джиневра могли бы сделать это сами по себе, — сказала МакГонагалл, — Молли Уизли определенно как-то замешана, а Альбус — он каким-то образом работает против Гарри и Гермионы. В четверг он устроил шоу... поддерживая Гарри и Гермиону, только после того, как он спросил меня, где Северус Снейп».

"О Боже!" Гермиона сказала: «Это было во время ужина, когда мы целовались для шоу. Бьюсь об заклад, Дамблдор спросил тебя, где Снейп, потому что он ожидал, что Снейп остановит наше представление».

— А когда Снейп не смог, Дамблдору пришлось нас прервать! Гарри продолжил мысль своей подруги: «А потом он делает всю свою штуку с «Властелином Света»: «Эй, как чудесно видеть расцвет любви между Мальчиком-Который-Выжил и его лучшим другом!» - чтобы он не выглядел так, будто ненавидел каждую секунду, когда видел, как мы целуемся».

«Мне это не нравится, — сказал Ремус, — мне не нравятся мысли, проходящие в моей голове».

— Ремус? — спросила МакГонагалл.

«Второе задание будет в Озере, верно?» Ремус сказал: — Похоже на то, что Гермиона будет заложницей Гарри. Возможно, Русалки. Русалки имеют привычку похищать своих заложников и привязывать их к кольям, ожидая, пока их спасут друзья, семья или друг заложника. с вражескими племенами русалок, конечно. Если бы Гермиона была привязана к столбу на дне Озера, я уверен, что кураторы Задания убедились бы, что она находится в каком-то стазисе, может быть, до тех пор, пока она снова не выйдет на поверхность. Но если это стазис не сработал, а она как дно озера...»

"Милостивый Мерлин!" МакГонагалл сказала: «Она утонет, прежде чем Гарри сможет ее спасти! Это... это может быть убийством! Как ты сказал, Гарри, это постоянный способ разлучить тебя и Гермиону — с ее смертью!»

Гарри обнял дрожащую Гермиону и прижал ее к себе.

— Это бы объяснило, почему в подсказке сказано «что», а не «кто», — сказал Ремус. — Возможно, Дамблдор включил это в подсказку, чтобы никто не узнал, что официальные лица турнира похищали невинных студентов, которые не вызвались на Турнир. до того, как Задание могло состояться?»

— Это имеет смысл, — кивнула МакГонагалл.

— Со смертью Гермионы, — сказал Ремус, — Гарри, конечно, будет горевать. И в его горе кто бы утешил его, кроме мисс Уизли, желающей стать его новой девушкой — из-за того плана, который они вынашивают. быть признаны случайными, тем не менее, за исключением тех, кто был причастен к убийству. Гарри был бы свободен для мисс Уизли, чтобы выйти и воспользоваться преимуществом. Я полагаю, что любовные зелья не были бы невозможными, чтобы вступить в игру в тот момент времени. С тех пор у меня сложилось впечатление, что Гарри не стал бы так просто соглашаться с планами мисс Уизли без боя.

— Этого не произойдет, — пробормотал Гарри, прижимая Гермиону к себе. — Никогда не произойдет, профессор МакГонагалл. Если это не будет исправлено, если не будет плана по предотвращению этого, мы с Гермионой покинем Хогвартс. Мне все равно, если я потеряю свою магию, профессор. Я не потеряю Гермиону. Я бы пожертвовал ради нее своей магией».

МакГонагалл вдохнула и выдохнула. — Мы что-нибудь придумаем, Гарри. Обещаю тебе. Обещаю вам обоим. Мы что-нибудь придумаем.

— Насчет этого, профессор, — сказала Гермиона, выпрямившись, хотя она все еще была в руках Гарри, чтобы посмотреть на МакГонагалл и Ремуса, «Ежедневный пророк». Что, если мы дадим Рите Скитер интервью? Эксклюзив для первой полосы! Второе задание! Это вызовет общественный резонанс, профессор. Официальные лица турнира — Дамблдор — должны будут придумать что-то другое. Им придется использовать предметы, а не людей. Вместо этого они могут использовать «Молнию» Гарри».

— Если это сработает, Гермиона, — сказал Гарри, — тебя не будет накануне и в день Второго задания. Ты останешься в своих покоях или в моих, если мне придется наблюдать за тобой весь день накануне, и следующее, пока меня не ждут на Задаче, я буду. Никто не возьмет тебя у меня. Дамблдор может даже попытаться посадить тебя туда, в то время как у всех остальных есть объекты, которые нужно спасти.

— Хорошая мысль, Гарри, — похвалил Ремус. «Да, я бы тоже вызвался быть здесь. Я бы даже нанял других, чтобы охранять ее, если бы мог».

«Это может сработать», — сказала МакГонагалл. «Мы сделаем это даже завтра. Я провожу вас с территории в Косой переулок, где находится штаб-квартира «Ежедневного пророка». "Я даже не знаю, что вы двое ушли. Он не знает, где вы остановились. Я скажу ему, что вы проводите весь день друг с другом в отдельной гостиной рядом с вашей квартирой. Тогда мы иди, поговори с Ритой Скитер, и это будет в газете в понедельник утром».

"Отличная идея!" — выпалила Гермиона.

«Да, похоже, что это может сработать, — согласился Гарри, затем протрезвел, — однако, если это не работает. Если Дамблдор убедит других официальных лиц турнира сохранить то же задание. Он может сказать, что заложники будут в полной безопасности. , или что-то в этом

роде. Тогда мы с Гермионой уйдем, профессор. Первый шанс, который у нас есть. Мы ушли. Мы не собираемся давать им шанс заставить нас остаться здесь. Я рискую потерять свою магию. Я не рискну потерять ее».

МакГонагалл вздохнула и кивнула. — Если мы потерпим неудачу, я лично помогу вам двоим уйти, мистер Поттер. Это мое обещание.

"Спасибо, профессор," сказал Гарри; Гермиона вторила ему.

— Я могу знать кое-кого, кто поможет тебе, если тебе придется уйти, — сказал Ремус.

Взгляд, которым он одарил пару, подсказал им, о ком он говорит.

— Ты можешь рассказать о нем профессору МакГонагалл, Ремус, — сказал Гарри. «Мы доверяем ей это».

Ремус напрягся. "Вы уверены?"

Гарри и Гермиона кивнули. Ремус вздохнул и тоже кивнул.

— Что происходит, вы трое? — спросила МакГонагалл. — Что ты скрываешь от меня?

— Минерва, — сказал Ремус, — то, что я собираюсь сказать тебе, не может покинуть эту комнату прямо сейчас. Я считаю, что это достигло уровня заговора, как все обернулось. Кто-то — может быть, Дамблдор, теперь я думаю об этом. — может предотвращать события. Вещи, которых он не хочет».

«Ну, если ты мне скажешь, я, вероятно, лучше пойму, что ты имеешь в виду», — сказала МакГонагалл.

— Минерва, — сказал Ремус, — Сириус Блэк полностью и абсолютно невиновен во всех преступлениях, в которых его обвиняли. Питер Петтигрю не только жив, но и виновен во всех преступлениях, в которых обвиняли Сириуса.

Брови МакГонагалл дернулись, затем она просто сказала: «Я слушаю».

— Ну, для начала, — сказал Гарри, — полагаю, я должен спросить, помните ли вы некую крысу, которая была у Перси Уизли в качестве домашнего питомца, прежде чем он отдал ее своему брату Рону?

— Да, вообще-то, — сказала МакГонагалл. «Я помню, когда Перси Уизли был первокурсником.

Он принес крысу в Хогвартс, и я прочитал ему лекцию о том, что в Хогвартс допускаются только кошки, жабы или совы, и посоветовал ему отправить ее домой. На следующий день, директор сообщил мне, что Перси Уизли получил специальное разрешение держать свою крысу в качестве домашнего животного в Хогвартсе. Он никогда не делал исключений для других домашних животных.

— Да, такое поведение кажется странным, — сказал Ремус. «Возможно, вы помните, профессор. У матери Гарри была игуана, которую она привезла на первый год обучения в Хогвартсе. Кажется, это вы сказали ей, что она должна принести ее домой. Кажется, это был первый день занятий, когда вы сказали ей тоже. Она не получила исключения для этого».

«Да, я припоминаю», — сказала МакГонагалл, — «Было несколько студентов, которые приносили разных домашних животных. От змей до собак — маленьких собак, таких как крупы или чихуахуа, — до попугаев и воронов. Была даже парочка хорьков! Я спросил Альбуса о крысе Перси, и он просто напомнил мне, что крыса была разрешена. .»

— Мерлин, это странно, — пробормотал Ремус, качая головой.

"Что такого странного в этой крысе?" — спросила МакГонагалл.

— Это был анимаг, Минерва, — сказал Ремус, — по имени Питер Петтигрю.

"Нет!" МакГонагалл ахнула, прижав руку к сердцу. — Предполагаемый мертвец, изображающий из себя крысу, все это время был здесь, в Хогвартсе?

— Выдавал себя за домашнюю крысу Уизли, — кивнул Ремус. «Семья Уизли была чрезвычайно глупа. Как однажды заметил Сириус, «Струп» прожил с Уизли двенадцать лет. Чрезвычайно долгая жизнь для Обыкновенной Садовой Крысы, не так ли?»

— Может быть, они думали, что это другие крысы? — спросила МакГонагалл.

"Коричневые крысы с отсутствующим пальцем на ноге?" — спросил Ремус.

«Палец Питера Петтигрю был единственной найденной частью его тела!» МакГонагалл выдохнула. — Мерлин! Как... как ты узнал?

— Мы этого не делали, — сказал Гарри. — Сириус. Летом перед моим и Гермионным третьим курсом министр магии Корнелиус Фадж посетил Азкабан. Он дал Сириусу газету. На первой полосе газеты была фотография Уизли. семья в Египте, недавние победители лотереи или что-то еще. На плече Рона Уизли сидела крыса по прозвищу Короста».

— Или, как мы его знали, Хвост, — сказал Ремус, — помнишь слухи о том, что сказал Сириус перед побегом?

«Он в Хогвартсе, — сказала МакГонагалл, — мы все думали, что это имело в виду Гарри!»

— Он имел в виду Червехвоста, — сказал Ремус, — Питера Петтигрю. Настоящего Хранителя Тайны Джеймса и Лили Поттер — он был выбран тайно, хотя все считали, что настоящим Хранителем Тайны был Сириус — и человек, который действительно убил двенадцать магглов, который подставил Сириуса для всего этого».

— Вот почему Сириус ворвался в Гриффиндорскую башню, профессор, — сказала Гермиона, — он искал Коросту, а не Гарри.

"Милостивый Мерлин!" МакГонагалл выдохнула. — Как вы все это узнали?

«Помнишь день, когда должны были казнить Гиппогрифа Клювокрыла?» — спросила Гермиона.

Гарри и Гермиона начали рассказ с первого взгляда на «мрачного». Они рассказали всю историю, а Ремус комментировал, когда нам было нужно. Ремус пересказал часть истории, которую он и Сириус объяснили. МакГонагалл была шокирована действиями Северуса, и она выглядела так, будто вот-вот упадет в обморок. Гарри и Гермиона рассказали ей об использовании Маховика Времени. Она была очень бледна, когда рассказ был закончен.

"Мэллори!" — выдохнула она. — Четыре стакана ледяной воды.

На столе появились четыре стакана воды. МакГонагалл взяла свой и сделала из него глубокий глоток. Затем она вдохнула и выдохнула.

— Мистер Поттер, мисс Грейнджер, — сказала она, — почему вы не сказали мне об этом раньше?

«Что касается Сириуса, — сказал Гарри, — мы не хотели, чтобы с ним что-нибудь случилось. Мы боялись, что вы сообщите кому-то, кто только подвергнет его опасности».

МакГонагалл поникла. — Полагаю, я понимаю твою точку зрения. Ты говорил о заговоре, Ремус? Что ты имел в виду?

«Я сообщу вам два важных факта, профессор, — сказал Ремус, — первый, Сириус вспомнил совсем недавно. Видите ли, мы с ним жили вместе в доме, и я не мог сказать вам его местонахождение, даже если бы я хотел».

— Фиделиус? — спросила Гермиона.

— В самом деле, мисс Грейнджер, — сказал Ремус. «Я бы дал вам очки, если бы мог. Мой хороший друг и Сириус, кому мы доверяем по разным причинам, о которых я не могу говорить,

является Хранительницей Тайны. Она Целительница, и она помогает ему выздороветь. Ну, недавно, к нему вернулась память после многих лет воздействия дементора, и однажды утром он проснулся с открытием. Он вспомнил тот факт, что Альбус Дамблдор был тем, кто исполнил Фиделиус с Джеймсом, Лили и Хвощом!»

«Он знал, что Сириус не Хранитель Тайны!» — воскликнул Гарри.

— Верно, Гарри, — сказал Ремус. «Что еще хуже, Сириуса без суда отправили в Азкабан трое! Бывший министр магии, Миллисент Бэггольд, бывший глава DMLE, Бартемиус Крауч и сам Альбус Дамблдор!»

Гермиона задыхнулась. "Тогда это означает -!"

— Мы полагаем, мисс Грейнджер, — сказал Ремус, — что Дамблдор не хотел, чтобы Сириус был опекуном Гарри. Если бы Сириуса предали суду, он был бы признан невиновным в своих преступлениях и получил бы опеку над вами, Гарри. Похоже, Дамблдор этого не хотел.

— Он хотел, чтобы я был с Дурслями, — сказал Гарри.

— Черт возьми, — сказал Ремус, — Гарри, твои родители за несколько месяцев до своей смерти категорически запретили тебе жить с сестрой твоей матери, если она и твой отец умерли!

"Тогда где я должен был жить?" — спросил Гарри.

— Твои родители выбрали бы несколько семей, прежде чем позволили бы тебе жить с сестрой твоей матери, — сказал Ремус, — у Поттеров было несколько союзников в волшебном мире. Я надеялся, что ты живешь с одной из этих семей. Августа Лонгботтом, с тех пор, как ваша крестная мать, Элис Лонгботтом, и ее муж были... нездоровы. Пандора Лавгуд и ее муж. Лили и Пандора были хорошими друзьями. Кастор и Иллиана Гринграсс.

"Зеленая трава?" — спросила Гермиона. «Как в случае с Дафной Гринграсс? Она на моих уроках древних рун и арифмантики».

«Она слизеринка!» — сказал Гарри.

— Иллиана была когтевранцем, — сказал Ремус, — еще одним другом твоей матери. Пандора тоже была когтевранцем. которые были соседями Лили и Алисы по общежитию. Гарри, ты слышишь Слизерин и думаешь о Темных, верно? Зеленые травы нейтральны. Усадьба Гринграсс.

«Вы могли бы также жить с Амелией Боунс. Но я знаю, что она приняла Сьюзен, когда родители бедной девочки были убиты во время нападения Пожирателей Смерти, может быть, даже... сам Волан-де-Морт. Так что я полагаю, что она была одним из последних вариантов. ты

пойдешь к ней раньше, чем ты пойдешь к сестре своей матери!»

«Где могла быть эта информация?» — спросила Гермиона. «Как это никто не обнаружил?»

— Твои родители составили Окончательную волю и завещание, прежде чем скрылись, — сказал Ремус. «Помню, они упомянули об этом мне, потому что сказали, что я получу кучу галеонов, если они умрут. Джеймс пошутил, что мне лучше не убивать его, потому что я не заработал бы состояние на его смерти, если бы меня признали виновным. Я никогда не получал наследства по завещанию, так что, скорее всего, оно не было открыто или прочитано.

«Я совершенно уверен, что это объяснило бы, с кем вы должны были жить в случае смерти ваших родителей. Это могло бы даже означать запрет вам жить с сестрой вашей матери. Завещание было бы составлено в Гринготтсе, с менеджером по работе с клиентами Поттера. Они могли бы отправить копию и в Министерство.

«Как будто он был запечатан», — сказала МакГонагалл. «И единственным человеком, у которого есть хоть какой-то мотив скрепить завещание, был бы Альбус Дамблдор. Особенно, если бы в нем конкретно говорилось, что сестре Лили запрещено воспитывать тебя. Он бы не хотел, чтобы это стало известно. Воли».

— Вот откуда он узнает, что говорит Воля, — сказала Гермиона.

— Но главный Наследник Завещания мог бы открыть его, — возразил Ремус, — Гарри, в свой одиннадцатый день рождения.

«С тех пор, как я был в волшебном мире, я встретил только одного гоблина, — сказал Гарри, — его звали Грипхук».

— Определенно не твой менеджер по работе с клиентами, — сказал Ремус, — его зовут Рагнок. Рагнок Шестой. Его отец — Рагнок Пятый — нынешний глава гоблинов в Гринготтсе. А у твоего менеджера по работе с клиентами есть сын — Рагнок Седьмой — который быть вашим менеджером по работе с клиентами, если он умрет. Нет никакой возможности, чтобы другой гoblin получил эту учетную запись».

«Никогда не встречался с ним, — сказал Гарри. — Даже не знал, что у меня есть менеджер по работе с клиентами. Я попросил своего домового эльфа съездить в Гринготтс этим вечером. Я полагаю, он встретится с Рагноком».

— Я ожидаю, что этот домовый эльф вернется с просьбой от Рагнока встретиться с тобой, Гарри, — сказал Ремус, — особенно если ты вообще его не видел. Ты должен был встретиться с ним в одиннадцать. Дамблдор многое скрывал от тебя. Вопрос в том, почему.

«Мы поедем в Гринготтс и встретимся с Рагноком завтра, — сказала МакГонагалл, — тогда мы

сможем поговорить с Ритой Скитер».

"Добби!" Звонил Гарри.

Через мгновение появился Добби.

— Ты слышал, что мы говорили о Гринготтсе, Добби? — спросил Гарри.

— У Добби есть, — сказал Добби, — Добби поговорит с гоблином Рагноком Шестым, когда будет в Гринготтсе. Добби скажет ему, что Великий Гарри Поттер приедет завтра утром.

— Спасибо, Добби, — сказал Гарри, — вы извинились.

Добби поклонился и исчез.

— Похоже, завтра у нас будет напряженный день, — прокомментировала Гермиона.

— Действительно, — согласилась МакГонагалл. «Кстати, о напряженном дне. У меня есть кое-что, что я должен сделать перед твоими уроками танцев этим вечером. Ремус, ты можешь болтать с этими двумя столько, сколько пожелаешь. Позови моего домового эльфа Сэди, когда захочешь уйти. Она Я направлю вас ко мне, и тогда я провожу вас. Спасибо, что позволили мне одолжить ваш граммофон.

— Конечно, профессор, — сказал Ремус.

Как стояла МакГонагалл, так и Гермиона.

— Могу я поговорить с вами, профессор? — спросила Гермиона. — Наедине.

«Коридор за пределами этой комнаты должен подойти, — сказала МакГонагалл, — там нас никто не услышит».

Гермиона кивнула и последовала за профессором МакГонагалл.

"Граммофон?" — спросил Гарри Ремуса.

«Помнишь ту большую музыкальную шкатулку, которую я использовал на уроках Боггарта?» — спросил Ремус; Гарри кивнул. «Профессор МакГонагалл хочет использовать его для ваших уроков танцев. Говоря о танцах, я хотел бы услышать всю историю о том, как вы и Гермиона стали парой».

Затем Гарри продолжил рассказывать Ремусу обо всем , что произошло за последние пару дней.

(Тем временем...)

Гермиона вышла в коридор с профессором МакГонагалл. Профессор прислонился к одной из стен, и Гермиона сделала то же самое через узкий коридор.

— Чем я могу вам помочь, мисс Грейнджер? — спросила МакГонагалл.

Гермиона откашлялась. «Я просто собираюсь выйти и сказать это. Гарри никогда не давал «Разговор», профессор. Я предложил Сириусу или Ремусу дать ему это, но... он может пока не чувствовать себя достаточно комфортно с ними, чтобы сделать это». Я предложил вам или мадам Помфри. Я поднимаю этот вопрос только потому, что, хотя у нас пока нет немедленных планов... делать что-либо подобное... я чувствовал, что ему нужно знать, на всякий случай, если это произойдет в любой момент».

Смех МакГонагалл был не тем ответом, которого ожидала Гермиона.

«Это совпадение, — сказала МакГонагалл, — когда директор хотел разделить вас с мистером Поттером для отработки, я дала ему предлог, что посадила вас двоих вместе, чтобы дать вам «Разговор». Я сказал директору, что мы не хотим, чтобы маленькие Поттеры бегали по Хогвартсу до того, как вы двое закончите учебу!

Гермиона покраснела. «Нет... мы бы этого не хотели».

— Вы хотели бы присутствовать, когда это произойдет? — спросила МакГонагалл.

— Э... может быть? Гермиона ответила: «Я... ну, мне не совсем знакома магическая сторона «Разговора». Я читала книги, но... недавно обнаружила, что они могут быть предвзятыми и, возможно, не лучшей книгой. для предмета».

— У мадам Помфри должно быть несколько экземпляров лучшей книги на эту тему, если вы ее спросите, — с улыбкой сказала МакГонагалл. — Вот что я вам скажу. Завтра, когда мы вернемся из Косого переулка, вы, мистер Поттер, и я сядем в мой кабинет здесь, в Логове, и у нас будет этот «Разговор». Я говорил директору "Нам нужно вернуть лекции по половому воспитанию, но он не согласен. Он сослался на то, что это только поощрит студентов заниматься сексом, пока они находятся здесь, в Хогвартсе. Надуманное оправдание, если вы спросите меня. Как будто отсутствие надлежащего полового воспитания является остановить студентов, занимающихся сексом! Мадам Помфри могла бы быть отличным выбором для лекции. Он использует один и тот же аргумент каждый раз, когда поднимается этот вопрос. Больше ни слова об этом не услышу».

"Может быть, он ожидает, что родители будут нести ответственность за это?" — предложила Гермиона.

— Действительно, — сказала МакГонагалл, потом фыркнула, — но, как вы сказали, ученики-маглорожденные не всегда получают самую лучшую информацию! Например, знаете ли вы, что сперма волшебника слишком сильнодействующая для магглов... кажется, их называют щебнем? Нет, это не так».

— Резиновые, — поправила Гермиона, — их еще называют презервативами. Правда? Нет, я этого никогда не знала!

«До того, как это сообщение распространилось, было много опасений по поводу беременности, — сказала МакГонагалл, — и это до сих пор не известно всем. Вот почему мы, ведьмы и волшебники, прибегаем к противозачаточным чарам или зельям. проблемы во время месячных у ведьм также являются предпочтительной причиной для использования зелья. Есть также тот факт, что вам нужно принимать его только раз в двадцать восемь дней. Не раз в месяц, мисс Грейнджер.

— Конечно, не во всех месяцах двадцать восемь дней, — сказала Гермиона.

«Действительно, — сказала МакГонагалл, — именно поэтому мадам Помфри, я и другие добровольцы для такого рода «разговоров», когда кто-то вроде вас имеет смелость спросить, никогда не говорите «раз в месяц». Эти двое или трое дни между первым числом месяца могут иметь решающее значение. В любом случае, вы услышите остальную часть этого «Разговора» завтра. Спасибо, что пришли ко мне по этому поводу. Я был бы рад поговорить с вами и мистером Поттером о предмет».

«Ты единственный, кому мы доверяем говорить об этом здесь, — сказала Гермиона. — С мадам Помфри это может вернуться к Дамблдору. Если Дамблдор считает, что мы... собираемся быть близкими...»

— Он может попытаться вмешаться в ваши отношения, — сказала МакГонагалл, сжав губы. наихудший сценарий? Да, звучит вполне правдоподобно. Ну, если вопросов больше нет?

— До сегодняшнего вечера, — сказала Гермиона.

— До тех пор, — сказала МакГонагалл, — я планировала поговорить с вами и мистером Поттером о задержании мистера и мисс Уизли, но мы обсудим это, пока вы двое будете делать перерывы между танцами этим вечером.

— Что-нибудь, что мы должны знать прямо сейчас? — спросила Гермиона.

«Они определенно настороженно относятся ко мне, — заговорщически сказала МакГонагалл.

— Был момент, когда Джинни разговаривала с Роном посреди их отработки, а потом она странно посмотрела на меня».

Гермиона кивнула. «Она задавалась вопросом, почему ты не сказал им замолчать и вернуться к тому, что они должны были делать».

«Это тоже пришло мне в голову, мисс Грейнджер, — сказала МакГонагалл, — я подозреваю, что она знает, что я хочу подслушивать их и что мне интересно, что они говорят друг другу. очевидно к концу задержания. Я объясню подробнее сегодня вечером. Как всегда, Постоянная Бдительность вокруг этих двоих. Тот разговор, который у них будет, когда они, наконец, признаются в своих секретах, рано или поздно всплывет, и я твердо верю вам и тому, что Молодой человек там будет зачинщиком этого разговора».

— То, что мы делаем, разозлит их настолько, что они заговорят об этом, ты имеешь в виду, — сказала Гермиона.

— Именно так, мисс Грейнджер, — сказала МакГонагалл. «Ваши... продолжающиеся публичные проявления привязанности могут быть тем, что их раздражает. Они знают, что я опасюсь их, и если они сделают еще один шаг вперед, они могут увидеть, что ушли из этого замка. Так что я не думаю, что они "В данный момент я попытаюсь сделать что-нибудь физическое для любого из вас. Определенно ничего, что могло бы привести к их отстранению или исключению. Я не думаю, что они сделали какие-либо шаги к своей матери или директору. Я твердо верю, что они" Они пытаются решить проблему для себя. Вероятно, пытаются проявить себя перед своей матерью. Так что в данный момент они пытаются завершить свою миссию без посторонней помощи.

— Пока у них не останется другого выбора, кроме как обратиться за помощью извне, — кивнула Гермиона. "Мы будем осторожны и бдительны с ними."

— Меньшего я и не ожидал, мисс Грейнджер, — сказала МакГонагалл, — если это все, увидимся сегодня вечером.

Гермиона просто кивнула. МакГонагалл повернулась и вышла из Логова Льва. Гермиона выдохнула. Она ожидала, что МакГонагалл могла знать, что она была в Комнате Гарри. Но Львица Гриффиндора не упомянула об этом. Она вдохнула и выдохнула, а затем вернулась в Личную гостиную.

— Ну вот, дорогая, — сказал Гарри, улыбаясь, когда она вошла, — Ремус как раз собирался рассказать мне, как Сириус отреагировал на утреннюю газетную статью.

Гермиона порозовела, когда он назвал ее «любовью». Она села рядом с ним и поцеловала его в щеку. Она так привыкла к публичным проявлениям привязанности — просто потому, что ей это было необходимо, — что даже не покраснела от того, что Ремус наблюдал за ней.

— На самом деле Сириусу понравилась статья, — сказал Ремус, — хотя он не поверил мне, когда я сказал, что Скитер любил преувеличивать некоторые вещи. Например, «пятиминутный поцелуй».

— Это было около двух минут, — сказала Гермиона, — но если хочешь подбодрить Сириуса, скажи ему, что мы попытаемся устроить пятиминутный публичный поцелуй в Большом зале.

Ремус так сильно смеялся, что у него на глазах выступили слезы. «Джеймс никогда бы не осмелился сделать это с Лили, просто потому, что Лили в любом случае никогда бы не осмелилась сделать это. Джеймс, возможно, был шутником и шутником, но он остепенился после того, как начал встречаться с твоей матерью».

«Я не уверена, что мы стали бы участвовать в такой общественной любви, если бы не чувствовали в этом необходимости, — сказала Гермиона. — Я верю, что Гарри рассказал тебе о Теории Забвения».

— Да, — мрачно сказал Ремус, — и когда он объяснил это, я должен был признать, насколько это может быть правдоподобно. Хотя это может быть и не очень хорошо продумано.

"Что ты имеешь в виду?" — спросил Гарри.

— Те ученики, которые являются экспертами или мастерами окклюменции, — сказал Ремус, — не так легко поддаются забвению. Они могут ощущать потерянные или измененные воспоминания. Я уверен, что несколько старших учеников в этом замке — окклюмены.

"Окклюменция?" — спросила Гермиона. — Я не думаю, что когда-либо видела книгу об этом здесь.

— Неудивительно, — сказал Ремус, — особенно если есть Активный Легилименс — термин, скажем, для сложного телепата, — который пытается читать мысли учеников.

— Как Снейп? — спросил Гарри. — Я всегда думал, что он может читать наши мысли.

— Вполне возможно, — кивнул Ремус, — он и ваш директор.

— Конечно, он сможет читать наши мысли, — проворчал Гарри. «Думаю, нам нужно выяснить, как изучать окклюменцию».

— Я поспрашиваю в каких-нибудь малоизвестных книжных магазинах Косого или Лютного переулка, — сказал Ремус. — На самом деле «Флориш и Блотт» их редко продают. Остается загадкой, почему.

«Это действительно похоже на то, что кто-то — возможно, Дамблдор? — пытается ограничить знания волшебного мира об этом предмете», — сказала Гермиона.

— Нелегкий подвиг, — сказал Ремус, — учитывая, что у большинства семей, имеющих места в Визенгамоте, есть такие книги, так что каждый член семьи — по крайней мере, те, кто станет Наследником или Наследницей, — может изучить этот предмет. Опять же, этому нелегко научиться, особенно в младшем возрасте. Старшие ученики из вышеупомянутых семей, вероятно, являются хорошими окклюменами. Но мы уходим от темы.

— Где я был? О, да. Сириус. Ну, больше нечего сказать. Он был недоволен, что не услышал этого от тебя первым, Гарри.

«Я написал ему письмо, в котором рассказал обо всем — всего за час или около того до того, как ты приехал», — сказал Гарри. «Я не ожидал статьи так скоро».

— Понятно, — сказал Ремус, — он сказал мне, что вы двое напомнили ему Джеймса и Лили, когда он встретил вас в прошлом июне. Он совсем не удивлен, что вы вместе. Он действительно думал, что вы пара в прошлом июне, потому что вы были так близки. Он был удивлен, что этого не произошло до недавнего времени. А потом, когда он увидел, что «Tomorrow's Exclusive» о том, что он «хочет отомстить», разлучив вас, он просто громко рассмеялся и сказал — ну...

— Что он сказал? — спросил Гарри.

— Он сказал, что если бы мог заключить с вами контракт о помолвке только для того, чтобы доказать, насколько неправ «Ежедневный пророк», — сказал Ремус, — он сделал бы это в мгновение ока. Просто чтобы показать, как сильно он вас поддерживает и как счастлив, что он для вас».

Гарри и Гермиона покраснели.

«Контракты на помолвку существуют в волшебном мире?» — спросил Гарри; затем поморщился: «Я не... рискую быть вовлеченным в это, не так ли?»

— Нет, твои родители не хотели бы этого для тебя, — сказал Ремус, — Они хотели бы, чтобы ты нашел любовь к себе. Джеймс упомянул об этом один раз. Только один раз. ."

"Что это было?" — с любопытством спросил Гарри.

— Она сказала, что, если бы они обручили тебя с девушкой, — сказал Ремус, — и оказалось, что вместо этого тебя влечет к тому же полу?

Глаза Гарри расширились, затем он откашлялся. «Определенно нет, но я понимаю, почему

мама приняла такие меры предосторожности».

— Твоя мать много думала о твоём будущем, — сказал Ремус, — особенно потому, что она боялась, что она и твой отец не будут частью этого. Вот почему я уверен, что у тебя будут всевозможные планы на твой счёт. внесены в их завещание. Однако они не напишут ни одной помолвки. Теперь, пока я говорю, что...

«Я бы честно подумал о том, чтобы написать что-то между вами двумя, если бы у вас появилась такая возможность. Хотя бы для того, чтобы защитить вас двоих. Было бы очень сложно избавиться от этих Уизли с вашей спины. Даже Молли Уизли и Альбус Дамблдор знали, что им не следует вмешиваться в договор о помолвке».

«Может ли это защитить Гермиону от второго задания?» — серьёзно спросил Гарри.

Ремус пожал плечами. «Я не знаю. Я должен спросить Сириуса. У него может быть идея. Он вырос на всей этой чистокровной ерунде, так как он был Наследником высокородного Дома Чистокровных. Так что он должен знать лучше меня. Не волнуйтесь, вы двое, мы выясним это до того, как придет второе задание. Лучшее, что вы можете сейчас сделать, это интервью Ежедневному пророку. Если Дамблдор сможет пройти через это, что ж, мы пересечем этот мост, когда доберемся туда ."

Гарри и Гермиона одобрительно улыбнулись. Супруги и бывший профессор немного поговорили, пока время не приблизилось к обеду. Тогда Ремус сказал, что ему лучше уйти, иначе он рискует, что кто-то вроде Дамблдора или Снейпа увидит его в замке. Гарри предложил ему использовать карту мародеров, но Ремус отказался.

— Я справлюсь, Гарри, — сказал Ремус. «Ты нуждаешься в этой карте гораздо больше, чем я. Твой отец очень хотел бы, чтобы ты использовал эту карту. Кажется, я говорил тебе, когда был твоим профессором, что он на самом деле поощрял бы тебя использовать ее».

"Моя мать?" — спросил Гарри.

— Она бы пришла в ярость, если бы узнала, что Уизли — и какие бы там ни были их союзники — пытаются сделать с тобой, — сказал Ремус. из них секреты, превосходящие любую магию, которую они используют для хранения секретов. И знай это, Гермиона. Она очень одобрила бы тебя как девушку своего сына. На самом деле ты напоминаешь мне ее. Магглорожденная, конечно. Умная, дерзким, когда это необходимо. И верным своим друзьям. И... последнее, но не менее важное. Вы не могли устоять, но не влюбились в Поттера».

Гермиона усмехнулась. — Спасибо, Ремус. Я ценю это.

Ремус склонил голову. «Всегда пожалуйста. Мне пора идти. Удачи с уроками танцев, Гарри».

— Спасибо, — сказал Гарри, — мой отец хорошо танцевал?

— Да, но только потому, что родители учили его с юных лет, — с улыбкой сказал Ремус. Он был Наследником высокородного Дома Чистокровных, как и Сириус. Он посещал светские вечеринки, и было несколько дочерей союзных семей, с которыми он должен был танцевать, иначе он оскорбил бы их. Во всяком случае, это то, что он мне сказал. ."

— Спасибо, сэр, — сказал Гарри, — я ценю все, что мы сегодня обсудили.

— Тебе никогда не придется благодарить меня за воспоминания о твоих родителях, Гарри, — сказал Ремус. — Этому старому волку очень полезно говорить о них. Скоро увидимся — особенно если это означает, что я должен защищать мисс Грейнджер во время Второе задание».

Он улыбнулся, когда Гарри и Гермиона попрощались с ним, а затем вышел из комнаты.

— Он такой чудесный, — выдохнула Гермиона. «Как он может считать себя монстром? Он один из самых добрых людей, которых я когда-либо знал».

— Это общество, Гермиона, — скривился Гарри. «Они превратили его в монстра, и он им поверил. Он такой добрый и хороший из-за своих друзей, таких как мои родители. Он не мог быть монстром рядом с ними. как ты помогаешь мне быть «Просто Гарри». Ты держишь меня на земле».

— Ты многое делаешь сам, Гарри, — сказала Гермиона.

— Ты помогаешь, — сказал Гарри, — и я никогда не смогу отблагодарить тебя за это в достаточной мере.

Гермиона улыбнулась, затем наклонилась, чтобы поцеловать его. Боже, она любила этого молодого человека!

(Семь вечера)

Ровно в семь вечера Гарри и Гермиона вошли в класс трансфигурации. Профессор МакГонагалл сидела за своим столом, на котором стоял большой граммофон, который Гарри в последний раз видел в старом классе Ремуса.

«Добрый вечер, мистер Поттер, мисс Грейнджер, — сказала Льюиса Гриффиндора, — надеюсь, вы не слишком много съели за ужином. Возможно, вам будет некомфортно».

«Гермиона думала об этом, — сказал Гарри, — мы придерживались легкой еды».

Гермиона просто кивнула и улыбнулась, когда МакГонагалл посмотрела в ее сторону.

— Отлично, — сказала МакГонагалл. — И хороший выбор одежды. В ней легко танцевать. Конечно, нынешний наряд, в котором вы сейчас, мисс Грейнджер, будет сильно отличаться от того, в котором вы будете на Балу, я уверен. будет какое-нибудь платье».

— Да, — просто ответила Гермиона, не желая ничего отдавать Гарри. «Я в порядке. Время от времени я практиковалась в танцах с родителями и была с ними на паре новогодних вечеринок. Танцевала с несколькими мальчиками».

"Действительно?" — спросил Гарри, ненавидя ревность, которую он чувствовал прямо сейчас.

— Этого от нас ждали, — сказала Гермиона. — Самое большее, что они делали, — это целовали мне руку, что они делали с каждой девушкой, с которой танцевали.

— Такого рода вещи ожидаются от джентльменов, мистер Поттер, — сказал Гарри. долгое время. Даже в наше время в маггловском мире».

— Ээ... как ее парень, я должен делать что-то большее, чем целовать ей руку? — спросил Гарри.

«Конечно, никаких публичных проявлений привязанности, кроме поцелуя в щеку или губы, если нужно», — фыркнула МакГонагалл. "Никаких пятиминутных поцелуев, скажем так?"

Отсылка к статье Скитера заставила Гарри и Гермиону покраснеть. «Я уверен, что этим вечером мы сделаем достаточно, чтобы убедить всех, насколько мы близки. Нам не нужно будет доказывать это слишком много».

— Вполне, — согласилась МакГонагалл. — Мы начнем с чего-то простого. Я уверен, что даже вы, мистер Поттер, могли бы это сделать. Медленный танец. Теперь, как преданная пара, такая как вы, вам двоим будет позволено стать ближе, чем паре. у которых, так сказать, первое свидание. Но мы потренируемся в обоих направлениях, не так ли?

Профессор МакГонагалл очень хорошо показала Гарри, как именно ему нужно позиционировать свое тело и руки, когда дело доходило до танцев. Профессор был прав. Гарри предпочитал медленный танец. Это было так интимно, что он сначала смутился, но потом решил, что это было похоже на продолжительное объятие, которое обычно дарила ему Гермиона. А когда они танцевали более близкий, интимный танец, Гермиона даже положила голову ему на плечо или на грудь — видимо, решая, что удобнее; она отдавала предпочтение его груди, чуть ниже его подбородка.

Ее густые волосы немного мешали, но она пообещала, что немного пригладит их к вечеру Святочного бала, и эта поза будет намного легче. Гарри также понравилось медленное

вращение во время танца, когда их ноги настраивались на музыку, играющую на граммофоне. Ему не нужно было много двигаться, и его ноги в основном шаркали, так что он не мог наступить Гермионе на пальцы ног.

Затем профессор МакГонагалл начала предлагать более сложные танцы. Первый: традиционный вальс. МакГонагалл сказала, что это будет танец, который Чемпионы и их партнеры сделают, чтобы открыть танец, поэтому они должны быть идеальными. Гермиона была знакома с вальсом, поэтому могла правильно двигать ногами. Гарри просто нужно было слушать инструкции МакГонагалл и стараться не споткнуться и не утащить Гермиону за собой. К счастью для пары, особенно для Гермионы, МакГонагалл укрепила туфли Гермионы, чтобы ее пальцы ног не пострадали, если Гарри на них наступит. Это оказалось необходимым несколько раз, прежде чем ночь закончилась.

Затем наступила более сложная часть танца. Ему пришлось поднять ее и немного повернуть. Она не была тяжелой – и он не осмелился ничего сказать о ее весе при ней – но было неловко пытаться поднять ее за талию. Потребовалось несколько тренировочных попыток, чтобы сделать это. Наконец он смог сделать это три раза подряд. К тому времени у Гермионы закружилась голова, поэтому они сели за один из столов, отодвинутых в сторону комнаты.

«Я обещала, что мы обсудим отработку Рона и Джиневры Уизли во время перерывов, — сказала МакГонагалл, — Итак, мы начнем с самого простого из того, что я обнаружила. Ваш первый год. Он украл где-то от десяти до двадцати галеонов, но я бы сказал, что это было ближе к двадцати. Я посоветовал ему сказать своим родителям, чтобы они помогли ему вернуть вам долг.

— Я даже не знаю, зачем он этого хотел, — сказал Гарри. — А вы? Первые два года мы даже не могли спуститься в Хогсмид.

— Я думаю, он хотел взять это только для того, чтобы сказать, что он может это сделать, Гарри, — сказала Гермиона. — Чтобы доказать, что он мог украсть что-то подобное прямо у вас из-под носа. Как ваш лучший друг, вы могли даже не подозревать его.

— Я подозревал многих, — сказал Гарри, — мальчиков всех возрастов. Потом Джинни смогла вмешаться, и мне пришлось добавить девочек в список. За исключением тебя. Я знаю, что ты на это не способен. Вы правы. Я бы не заподозрил Рона в краже у меня. Я слишком доверял ему, потому что он был моим первым другом. Но, оглядываясь назад, двадцать двадцать.

«Что касается вас, мисс Грейнджер, — сказала МакГонагалл, — Джинни ничего не крала. По ее словам, она «одолжила» те пропавшие книги, просто чтобы прочитать их. Она сделала это без вашего разрешения, потому что не Я не хочу, чтобы ее мать узнала, что она их читала».

— Это не оправдание, — фыркнула Гермиона, — но это далеко не так плохо, как украсть двадцать галеонов или связку конфет, которые, должно быть, стоили несколько галеонов вместе взятых.

— Ты прав, конечно, — сказала МакГонагалл. Затем я сказал мистеру Уизли, что знаю, что он украл Золотое Яйцо. Он пытался обвинить в этом первого вора, даже после того, как я сказал ему, что признался в краже всего неделю, а его не было еще два дня. "Он признался в этом только тогда, когда я сказал ему, какое наказание было за кражу подсказки к турниру. Затем он сказал, что делает это в качестве шутки. Затем я сказал ему, что до меня дошли слухи о том, что он пытался продать ее как мальчик- Сувенир Кто-Выжил, и он выглядел потрясенным тем, что я узнал об этом. Это говорит мне о том, что он пытался это сделать. Но он так и не смог его продать».

«Любой потенциальный покупатель понял бы, что это турнирная подсказка, — сказала Гермиона, — и, вероятно, осознал бы последствия ее обладания».

— Действительно, — сказала МакГонагалл. «Я наказал мистера Уизли так же, как наказал остальных студентов. Он должен написать письмо с извинениями — правдоподобное письмо — иначе он не сможет пойти на Святочный бал. В следующую пятницу».

— Полагаю, на данный момент этого достаточно, — сказал Гарри, пожав плечами. «Пока мы не узнаем, что они на самом деле замышляют».

«Тогда дискуссия стала немного более интересной, — сказала МакГонагалл, — я пыталась убедить их прекратить вмешиваться в ваши отношения, но они так и не согласились. Мисс Уизли сказала, что это было похоже на предательство из-за разговоров, которые она имела Вы, мисс Грейнджер, летом о мистере Поттере. Я помню, вы говорили со мной об этом. Поэтому я спросил ее, хранит ли она какие-либо секреты о своих чувствах к мистеру Поттеру от вас. вы делаете то же самое? Она считает, что вы должны были сначала дать ей шанс на него.

— Конечно, — фыркнула Гермиона, — тем более, что мы знаем, что у нее есть гнусные причины связываться с ним. Какими бы они ни были.

«Мистер Уизли обвинил вас, мисс Грейнджер, в том, что вы украли у него Гарри как друга, — сказала МакГонагалл, — начиная с того дня, когда вы впервые встретились с ним. "Вы тоже его друг. Затем я обвинил его в том, что он пытается помешать другим ученикам стать вашими друзьями, мистер Поттер. У него хватило наглости сделать вид, что он шокирован тем, что я знал об этом. Это почти как если бы... чем бы ни были эти чары, Мистер Уизли точно не знает, чем они занимаются. Я думаю, он был удивлен, что я узнал о его плане держать других учеников подальше от тебя. Это как... по его словам, я не должен был знать об этом.

— Он считает, что если ты знаешь один из его секретов, ты забываешь о нем, — сказала Гермиона. — По крайней мере, так не бывает. А это значит, что мы можем поговорить об этом после того, как узнаем, что это за секреты.

— Верно, — сказала МакГонагалл, — в любом случае полезно узнать, каковы пределы этих чар. В любом случае, кроме подтверждения того, что он пытался украсть вашу метлу и Карту, мистер Поттер, ничего другого не было. Он думал, что Карта принадлежала его брату, а значит, она должна принадлежать ему. Пока я не объяснил, что сначала она принадлежит

твоему отцу, и если он попытается украсть ее, он украл бы семейную реликвию. Поверь мне, он никогда не сделает это снова. Даже он знает преступление за кражу семейных реликвий.

— Что ж, это хорошо, — сказал Гарри.

— Это действительно так, — сказала МакГонагалл. «Хорошо. Может, продолжим изучение различных танцев и посмотрим, на что вы оба способны как пара?»

Гарри и Гермиона согласились, хотя Гарри не так рвался, как Гермиона. Тем не менее, он веселился в течение следующего часа или около того. Он не мог поверить, как быстро пролетело время. В тот вечер было без десяти девять, когда появился Добби, возвращавшийся из путешествия в Гринготтс. Это фактически остановило урок прямо там.

— Как все прошло, Добби? — спросил Гарри.

— Добби, бойтесь быть вестником плохих новостей, — сказал Добби, — гоблины очень рассердились на Великого Гарри Поттера. Хранитель Рагнок говорит, что ждет вас уже три с половиной года. ему исполняется одиннадцать. Он говорит, что пытался связаться с вами несколько раз за последние три с половиной года. Он говорит, что недавние события были самыми важными. Он хочет, чтобы вы объяснили это завтра утром. Или он замораживает ваш счет... он говорит, что это для твоего же блага, Великий Гарри Поттер.

«Злых гоблинов — это не то, что вы хотели бы испытать, мистер Поттер», — сказала МакГонагалл.

— Так что мне делать, профессор? — сказал Гарри.

«Скажите им то, что я считаю правдой, — сказала МакГонагалл, — вы не получали никакой корреспонденции из Гринготтса с тех пор, как попали в волшебный мир. Кто-то блокирует вашу почту, особенно из Гринготтса, что довольно сложно, если честно. Это означает, что есть только один человек, который, как мне кажется, несет ответственность за это».

Кулаки Гарри сжались. «Директор Дамблдор. Он не хочет, чтобы я встречалась с кем-то, кого он не одобряет в Гринготтсе. Он боится того, что я узнаю, не так ли?»

— Я искренне верю, что это правильно, мистер Поттер, — сказала МакГонагалл.

— Ну, тогда, — сказал Гарри, — завтра мы узнаем именно то, что Лидер Света не хочет, чтобы узнал его Мальчик-Который-Выжил.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: перевод редактируется

<http://tl.rulate.ru/book/54381/3180155>